

Военной ПАМЯТИ ВЕНОК

Летом 1983 года вошел в Неву и стал у набережной лейтенанта Шмидта пароход — новенький, сверкающий свежей краской. С широкой трубой, скуластой носовой частью и с именем «Челюскин» на борту. В те дни и был сделан этот снимок. Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР Михаил Иванович Ершов приступал к постановке двухсерийной картины о челюскинцах, к созданию коллективного портрета легендарной экспедиции.

Когда фильм вышел на экраны, зрители не увидели в нем одного эпизода, который по сценарию планировался. Суть эпизода вкратце такова. Молодой парень из команды корабля проштрафился в ледовом лагере «Челюскина»: пожалел для общего пользования личный свой патефон. То ли испугался, что пружину ему перекрутят, то ли не хотел, чтобы любимую пластинку заиграли. Словом, уличили челюскинцы товарища в проявлении частнособственнических инстинктов и решили объявить ему кратковременный бойкот. Поделом, мол, ему.

— Я этого снимать не буду, — заявил Ершов. Постановщика стали убеждать, что еще один локальный конфликт картине не повредит, обострит действие, а борьба с вешизмом сегодня дело злободневное. Тем более что инцидент с патефоном подтвержден документально воспоминаниями, и парня тогда, в 1934-м, проучили, не пожалели.

— Их дело, — пожал плечами Ершов. И через паузу добавил: — Они же не знали, что парню на войну скоро идти. Вместе со всеми. Человек жизни своей жалеть не станет, а я ему историю про патефон напоминать буду...

Фронтовики для Ершова, без различия званый и возраста, есть лица неприкосновенные. Как часовые в боевом уставе. Они гибнут в его фильмах — такова реальность войны. Отступают — было и такое. Ведут изнурительные бои местного значения. Форсируют реки, выигрывают крупные сражения. Не героизируют — выполняют тяжелую, потом и кровью пропитанную военную работу. А он, рядовой, старший сержант, потом лейтенант Михаил Ершов, 1924 года рождения, комсорт стрелкового батальона, сегодня уже ничем не может помочь им в той войне. Разве что правду о них поведает — высокую и трагичную. А память сохранит светлой и ничем не замутненной. Не в назидание — в помощь тем, кто помоложе.

Как-то Михаил Иванович Ершов называл себя счастливым человеком. А лгать он не умеет и для красного слова прибавлять ничего и никому не станет. Сказал «счастливый», значит, так оно и есть.

После Победы из сотен призванных 1924 года рождения возвращались домой десятки. Ершов был среди них — повезло...

Тогда никого не удивляли ордена на гимнастерках юнцов — ни самих орденосцев, ни тех, кто встречал.

О войне хотелось забыть, только бы повидаться со своими, выспаться, надыхаться воздухом без привкуса гари и тлена.

Недавний боевой лейтенант и комсорт батальона был человеком общительным и веселым: играл на нескольких музыкальных инструментах, а гармонь сама в руках ходила. Писал стихи и уничижал их — как дилетантские. Работал в клубе — учил своих ровесников танцевать и петь. Сам пел — и старинные русские песни, и те, что впервые по радио исполнялись. Поступил в студию оперетты и принялся писать сценарий.

Словом, бывшего фронтовика манили к себе все музы. Ничего удивительного, что он выбрал самую юную — музу кино.

Во ВГИК поступал уже зрелым человеком. И снова счастье — с одной попытки сразу на режиссерский факультет. С солдатским упорством и настойчивостью постигал тайны ремесла. И уже его студенческая дипломная работа, полнометражная лента «Под стук колес», вышла на широкий экран.

Приходило зрительское признание, и рецензенты первых картин Ершова отмечали несомненный лирический характер его дарования. Он подчеркивал свой лиризм с почти декларативной настойчивостью: «Неудачи многих картин связаны с тем, что они перепаселены героями: только появился кто-то на экране, а его уже вытеснил другой, мелькают лица, имена, но характеры не успевают раскрыться. В своем фильме мы хотели подробно исследовать характеры и любовь двух простых, чистых и самоотверженных людей...»

Это он говорил про «Родную кровь» по сценарию Федора Кнорре, про этапную свою картину, удостоенную на фестивале в Буэнос-Айресе приза «За гуманизм в искусстве»... Вия Артмане, Евгений Матвеев и Михаил

Ершов рассказали незатейливую жизненную историю на едином дыхании простыми кинематографическими средствами, сдержанно, будто чего-то не договаривая. Но за этой недосказанностью ощущалась пронзительная, одухотворенная любовь к героям ленты — паромщик Соне, танкисту Федотову, нашедшему в Соне и Сониных ребятишках свое трудное пожизненное счастье.

Как-то незаметно, вместе с Федотовым и Соне, рядом с ними ходила война... Нет в «Родной крови» ни одного выстрела, все действие происходит на берегу тихой реки. Война за кадром, но она — рядом. Напоминает о себе неженской Сониной работой, полутоловой ребяней, шрамом на теле Федотова, тревожным ожиданием разлуки.

Тихо движется Сонин паром, от берега к берегу, от крутого к пологому. Темнеет вечерняя вода — от пристани до горизонта. Смотрит солдат — решает судьбу.

В самой лиричной ершовской ленте — жестокие, непримиримые конфликты. Любовь и смерть. Война и любовь. Дети и война. От берега к берегу плывет мирный паром, но вспоминается почему-то другое: «переправа, переправа... берег левый, берег правый, снег шершавый, кромка льда. Кому память, кому слава... кому темная вода, — ни примет, ни следа...».

...Командир расчета почувствовал, за миг до выстрела, что будет удача: пушка била прямой наводкой. Немецкий танк застопорил ход и охваченный густо-черным дымом закрутился на месте, заглох. Остальные стали разворачиваться, и Ершов еще успел подумать, пожалеть, что снарядов у него не останется.

Уже в госпитале Ершов узнал, что за этот бой, первый в его семнадцатилетней жизни, награжден орденом Красной Звезды.

После госпиталя его направят в пехоту, и фронтовые дороги ни разу не сведут с артиллеристами того орудийного расчета, которым командовал он тогда, в сорок первом, — Овчинниковым, Сахабудиновым, Ивановым. Они были мужиками в годах, за сорок каждому и порой обращались к нему, своему старшему сержанту, совсем не по-уставному: сынок.

О них Ершов помнил и в мае сорок пятого, перед атакой в нескольких кварталах от рейхстага, и через четверть века, когда снимал фильм «На пути в Берлин» — картину о том, как закончилась война.

На сей раз режиссер-постановщик так уплотнил действие фильма, так щедро населил киноэкран персонажами, что на долю некоторых героев выпали секунды экранного времени и две-три реплики, не более. Этот художественный поток близких и дорогих ему людей Ершов снял почти под документ и укрепил исторической хроникой.

Режиссер-лирик шел к эпическому, большому полотнам. Он не ломал своей натуры, на горло собственной песне не наступал. Просто от всей души и без громких фраз отдавал свой гражданский и художественный долг тем людям, кто звал его сынком, и тем, кто не видал войны, и тем, кто уже годился Ершову в сыновья.

«Блокада» по роману А. Чаковского было отдано почти семь лет жизни. Четыре серии фильма волновали и волнуют по сей день огромную зрительскую аудиторию. По масштабу событий и съемок «Блокада» не знала себе равных в истории «Ленфильма».

— Я никогда не думал раньше, что мне придется «командовать» такой огромной армией людей, — вспоминает Ершов, — никогда до съемок «Блокады» не ощущал так остро, что мой труд необходим людям. Под Лугой мы снимали строительство оборонительного рубежа и пригласили лужан, жителей окрестных деревень на съемку.

«Роят окопы и траншеи» — была такая строка в режиссерском сценарии. К назначенному часу в выходной день на нашей площадке собрались десять тысяч человек, наверное, все взрослое население Луги. Перед началом съемок мы включили через репродуктор песню «Вставай, страна огромная!..», произошло то, чего никто не ожидал. Люди вели себя так, как будто все это происходит в далеком сорок первом: так суровы были лица, такая напряженная, торжественная тишина стояла на участке «траншейных работ»... Мне вдруг показалось, что я веду документальную съемку...

С «Блокадой» М. Ершов побывал во многих странах мира. Рассказывал о войне, о нашей стране, о Ленинграде. Встречался со зрителями. Один из зрительских отзывов запомнился ему надолго: «Ваш фильм учит, как люди должны защищать свою свободу».

Е. ПЕЧНИКОВ.

● Народный артист РСФСР М. Ершов.